

Щербакова Н. Н.

**ПРОСТОРЕЧИЕ XVIII ВЕКА КАК ИСТОЧНИК ПОПОЛНЕНИЯ ЛЕКСИКИ РУССКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/109.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. III. С. 260-262. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

же форма может наполняться различными оттенками прагматического содержания. Так, например, единица *Why don't you do X?* может выступать как ненавязчивая просьба-предложение или как раздраженная, недовольная просьба-требование. Вместе с тем, предрасположенность к передаче того или иного имплицитного прагматического смысла заложена в интралингвистических особенностях (синтаксическая структура, семантическая модель, лексическое наполнение) самих единиц речевого этикета и актуализируется в определенном контексте.

Данные варианты просьбы, реализуемые единицами речевого этикета, представляют прежде всего различные формы выражения коммуникативного намерения говорящего. При осуществлении конкретного речевого акта говорящий производит выбор оптимального способа манифестации своей интенции в соответствии с особенностями коммуникативной ситуации. Регулятивная роль речевого этикета в общении состоит в том, что он выступает в качестве главного фактора, влияющего на этот выбор. Его воздействие проявляется в двух направлениях: с одной стороны, закрепляются конвенционализированные языковые способы реализации коммуникативного намерения говорящего в виде готовых, стандартизированных формул, клише, ритуализованных высказываний - единиц речевого этикета, обладающих ингерентной вежливостью, а с другой - говорящий, оставаясь в рамках речевого этикета, стремится к поиску оптимальных средств для воздействия на адресата, что влечет за собой модификацию прагматического содержания просьбы и возникновение соответствующих речевых вариантов.

Список использованной литературы

1. **Формановская Н. И.** Имплицитный и эксплицитный интенциональные смыслы высказывания // Проблемы семантики предложения: выраженный и невыраженный смысл: Тезисы краевой науч. конф. - Красноярск, 1986.

ПРОСТОРЕЧИЕ XVIII ВЕКА КАК ИСТОЧНИК ПОПОЛНЕНИЯ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Щербакова Н. Н.

Омский государственный педагогический университет

Просторечная лексика XVIII века является одним из источников пополнения формирующегося в указанный период языка русской нации. Термин просторечие впервые появляется в научных лингвистических изысканиях в качестве антонима к термину красноречие. Оба термина при этом имеют прозрачную внутреннюю форму: просторечие - простая, т.е. не украшенная речь; красноречие - красная, т.е. красивая, украшенная речь. Однако, несмотря на эту прозрачность, термин с самого момента своего появления до наших дней соотносится с разными представлениями о его содержании. Однако общим остается представление о сниженном характере просторечных единиц. Эта сниженность связана с различными либо с эмоционально-оценочным характером слова, либо со словообразовательной моделью, по которой оно образовано. История развития просторечной лексики демонстрирует как пополнение литературного языка, его словарного запаса, за счет просторечных элементов, так и обратное явление: переход ряда образований из разряда нейтральных в стилистически окрашенные.

Причиной перехода просторечных образований в литературный язык может стать потребность в обозначении бытовых реалий: названий предметов домашнего обихода, музыкальных инструментов, построек и т.д. По этой причине из просторечия литературным языком были усвоены такие образования, как ведро, волынка - "музыкальный инструмент", глазунья, жгут, желудок, кочан, крыша, крышка, кулёк, лихорадка, лунка, люлька, подвязка, поделка и т. д.

О литературности этих слов говорит тот факт, что они не сопровождаются в четырехтомном "Словаре русского языка" и в "Словаре русского языка" С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой стилистическими пометами.

Примечательно то, что в составе подобной лексики доля существительных, называющих человека, незначительна (около 5 %), это, например, такие слова, как батрак, ведьма, ворожея. Человек представлен в данной группе слов глаголами, называющими его действия, и прилагательными, характеризующими его свойства: барабанить, воровать, жадный, жеманный, карабкаться, каяться, мчать, назойливый, намекать, неуклюжий, очнуться, пообедать, посолить, посмотреть, попрощаться, постараться, ютиться и т.д.

Значительная часть просторечной лексики была усвоена разговорной речью. С пометой разговорное в современных словарях фиксируются следующие образования, отмеченные словарями XVIII как просторечные: авось, ахинея, балагур, баламут, барин - "о высокомерном человеке", бедокур, белоручка, бестолковщина, бестолочь, бишь, болтать "много говорить", болтовня, болтун, болтушка (о человеке), брезговать, бука, буркнуть, буянить, верзила, вертушка (о человеке), верхогляд, взбалмошный, волокита - "любитель вложиться за женщинами", вольготный, вопить - "громко кричать", вояка, враль, втихомолку, городить - "говорить вздор", грамотей, грубиян, доконать, дотошный, егоза, замашка, избочениться, исподтишка, каверза, копошиться - "возиться с чем-либо", кромсать, куситься, кургузый, липнуть - "приставать", марать, маячить медведь - "о неуклюжем человеке", молокосос, морочить, мурлыкать - "тихо напевать", мямить, наверняка, несусветный, окоlesiца, перебиваться, передряга, пигалица, пиликать, пичкать, плутать, поделом, полоумный, попрошайка, пострел, потасовка, прикорнуть, приструнить, пройдоха, пыжиться, разбитной, разнохат, раскошелиться, растяпа, рифмач, ротозей, сброд, соня, спозаранку, судачить, тарарам, тараторить, ти-

хомолком, толчая, тормашки, тормошить, тренькать, трепыхаться, тужить, тупица, тряпка (о человеке), угомониться, угораздить, уйма, ускользнуть - "быстро незаметно уйти", ухасть, фитюлька, хохлиться (о человеке), чепуха, чушь, шарить - "разыскивать кого-л. где-л.", юлить и т. д. Обращает на себя внимание факт ярко выраженного антропоцентризма данной группы в сравнении с предыдущей. Около 90% подобных слов связано с наименованием человека, его действий и качеств.

Многие слова с подобной семантикой находятся на грани литературного языка и внелитературного просторечия: батя, барахло, бахвал, валять - "делать что-нибудь небрежно, плохо", вдругорядь, вдрызг, взбучка, вишь, волынка - "затягивание дела", волынить, воструха, гаркать, горланить, дескать, дрыхнуть, дубина (о человеке), дурында, дюжий, ерепениться, жрать, замухрышка, канючить, квелый, корячить, костить, кумекать, лопать, лопухий - "глупый, недалекий", маета, мигун, морока, охальник, паскуда, пентюх, плюхнуться, приспичить, прощельга, пузо, пырнуть, растеряха, рехнуться, рыпаться, рявкнуть - "грубо и зло крикнуть", свара, сволочь, сквалыга, скупердяй, сморозить, тарарахнуть - "ударить", тары-бары, тетеря (о человеке), топыриться, турусы, тяпнуть - "выпить", улепетьвать, фефела, хапать, хаять, хлипкий, хлобыстать, хрыч, цапать, цыкать, чебурахнуть, чурбан (о человеке), шарахнуть, шибать, шалапут, шлендять, шляться, шмякнуть, шушера и т. п. В словарях эти лексемы сопровождаются пометами просторечное и грубо просторечное.

Современные словари русского языка не всегда единодушны в стилистической оценке подобных слов. Так, слово буянить в четырехтомном "Словаре русского языка" даётся без помет, а в словаре С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой с пометой разг.

Аналогичные случаи наблюдаются в случаях вопить - "причитать", вздор, вздорный, второпях, насупиться, нахал, ретивый - "усердный, исполнительный", рьяный, скряга, удалой, чваниться, чучело - "о неряшливо одетом человеке", шарить - "искать ощупью".

Наблюдаются также случаи, когда оба словаря фиксируют сниженный характер слова, но при этом используются разные пометы.

Так, слово накрыть - "застать внезапно, врасплох на месте преступления" четырехтомный словарь регистрирует с пометой разг., а словарь Ожегова, Шведовой - с пометой прост. Аналогичный случай наблюдается в словарных статьях на слова осточертеть, тюкать - "несильно ударять со стуком", тарарахнуть - "издать громкий отрывистый звук", шалопаи, шашни.

Таким образом, "Словарь русского языка" С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой более строг в определении стилистической принадлежности слова. Однако есть и обратные случаи, когда четырехтомный словарь даёт более жёсткую оценку: слово брезговать не отмечено в словаре Ожегова, Шведовой как стилистически сниженное, тогда как в словаре под редакцией А.П. Евгеньевой оно сопровождается пометой разг. Аналогичные случаи представлены при характеристике слов лопухий - "имеющий оттопыренные уши", несурзанный. Чаще, однако, наблюдаются также случаи несовпадения помет у маркированных единиц. Так, существительное враки, отмеченное в четырехтомном словаре как просторечное, имеет в словаре Ожегова, Шведовой помету разг.

Аналогичные расхождения обнаруживаются у слов дошлый, кланчить, мастак, пихать, притулиться, тишком, шалый.

Несовпадения помет в словарях могут быть объяснены различными причинами. Прежде всего, это разное понимание места просторечия авторами лексикографических источников (авторы четырехтомного "Словаря русского языка" говорят о положении просторечной лексики на границе литературного языка и нелитературного просторечия, тогда как "Словарь русского языка" С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой выносит его за границы литературного языка). Второй причиной может быть ситуация, когда экспрессивность слова начинает влиять на его лексическое значение, что приводит к изменениям в его семантической структуре, которая "становится абстрактно-эмоциональной и диффузной, она теряет свои конкретные и точные предметные очертания. Такое слово обозначает прежде всего не саму реалию, а её экспрессивную характеристику, значение такого слова почти полностью подчинено коннотации" [Осовецкий: 38].

Вместе с тем следует отметить и то, что разграничение просторечных и разговорных единиц представляет собой объективно сложную проблему, поскольку разговорные лексические элементы занимают особое место: с одной стороны, они находятся в пределах литературного языка, а с другой стороны, они же испытывают влияние со стороны просторечия. Разграничить столь похожие единицы в целом ряде случаев не просто, тем более что не существует объективных и всегда срабатывающих критериев, по которым можно было бы такое разграничение производить. Е. Ф. Петрищева очень точно охарактеризовала существующее положение как парадокс: лингвисты, исследующие стилистику, опираются на пометы словарей, а составители словарей, не имея определенной теории, опираются лишь на интуицию [Петрищева 1984].

Однако при всех различиях помет оба словаря фиксируют одну особенность интересующих нас слов: в случае, когда они попадают в состав литературного языка, их сниженный характер почти всегда сохраняется, подавляющее их большинство - это слова стилистически маркированные и тематически соотнесенные с семантическим полем "Человек".

Причины вхождения просторечных слов в литературный язык различны и очень напоминают перечень причин, по которым происходит заимствование слов из одного языка в другой.

Во-первых, слова, называющие бытовые реалии, входят в литературный язык в связи с широким распространением в быту какого-либо предмета, у которого нет альтернативного названия. Эти слова могли обозначать такие реалии, которые образованным носителям русского языка в XVIII веке казались грубыми и, по-видимому, оскорбляли их эстетические пристрастия, поскольку были связаны с представлениями о жизни простонародья. Однако в случаях, когда требовалось назвать, обозначить эти реалии, альтернативы тоже не было, поэтому использовались подобные лексемы (нечто аналогичное наблюдается в процессе заимствования экзотизма). Именно по этой причине в конце концов утратилась стилистическая маркированность у таких слов, как клюка, кулек, жмурки, горелки, городки и т. д.

Во-вторых, привлечение просторечной лексики в литературный язык в ряде случаев связано с тенденцией к экономии речевых усилий. Многие понятия, обозначавшиеся в просторечии одним словом, требовали в литературном языке описательного наименования (мельничиха - "жена мельника", рухнуть - "упасть, распавшись на части").

В-третьих, к нейтрализации просторечных слов иногда приводит такое явление, как избыточность какой-либо части синонимического ряда. Так, Г. П. Князькова отмечает в качестве причины нейтрализации слова малютка избыточность просторечной части следующего синонимического ряда: ребёнок - дитя - младенец - малютка - малга - махотка [Князькова: 206].

Четвертой причиной можно назвать пополнение экспрессивных средств литературного языка за счет просторечия (скряга, неряха).

Наконец, переход в нейтральную лексику из просторечия в ряде случаев обусловлен терминологическими потребностями. Такие термины, как квакша - "древесная лягушка", вишенка - "разновидность вишни", вшивик - "растение, используемое для истребления вшей", глухарь - "вид птицы", горбуша - "вид рыбы", жеруха - "травянистое растение", кряква - "вид утки", дыхальца и т.п. были заимствованы из просторечия именно по этой причине.

Вхождение просторечных слов в литературный язык позволяло значительно пополнить слой нейтральной лексики, а кроме того, этот процесс способствовал развитию образных средств языка, поскольку большинство просторечных слов всегда обладало яркой экспрессией.

Помимо утраты стилистической окраски, русскому языку известен и обратный процесс: переход нейтральной лексики в разряд стилистически сниженной. Такое преобразование пережили слова баловень, брюхастый, грубиян, дурачиться, завсегда, напасть - "беда", голь, дурь, вдоволь, вечер, поживиться, рожа, говорун, грабаздать, повыдергать, брюхан, блевать, дерьмо, дуралей, дьячиха, надутый - "высокомерный" и т. д. Степень этой сниженности различна: одни слова остаются в составе литературного языка (напасть, вдоволь, баловень), другие переместились за его пределы.

Причины, которые вызвали эти явления, связаны, в первую очередь, со словообразовательными особенностями перечисленных лексем. Большинство их образовано по словообразовательным моделям, присущим просторечию. В связи с этим они и были вытеснены из слоя нейтральной лексики, поскольку в языке XVIII в. начали действовать две очень важные для формирования словообразовательной системы языка тенденции: тенденция к устранению стилистически неоправданного словообразовательного многообразия в нейтральном слое и тенденция к единообразию в стилистической соотнесенности слов, образованных по моделям, присущим просторечию [Князькова: 214].

Кроме того, некоторые слова оказались вытесненными синонимичными образованиями (напасть - беда, мальчуган - мальчик и т. п.) и теперь существуют в языке как стилистически сниженные синонимы вытеснивших их нейтральных лексем. В целом же нужно отметить, что количество слов, пришедших в литературный язык из просторечия, намного превышает количество слов, бывших когда-то нейтральными, а ныне получившими сниженную стилистическую окраску (соответственно 96% и 4%).

Список использованной литературы

1. Князькова Г. П. Русское просторечие второй половины XVIII века. - Л.: Наука, 1974. - 253 с.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Словарь русского языка. - 4-е изд., доп. - М.: Азбуковник, 1999. - 944 с.
3. Оссоветацкий И. А. Лексика современных русских народных говоров. - М.: Наука, 1982. - 198 с.
4. Петрищева Е. Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. - М.: Наука, 1984. - 222 с.
5. Словарь русского языка: В 4-х тт. / Под ред. А. П. Евгеньевой. - Изд. 2-е, испр. и доп. - М.: Русский язык, 1981-1984.